

В. И. Мильков

В. В. Мильков

ПАМЯТНИК ЕМУ — ГОРОД

Есть деяния – величие которых прославляют в веках и народах, но при этом остаются в тени творцы этих деяний. Их имя редко связывают с их творениями, им не устанавливают монументов, не пишут о них книги. К таким деяниям относится уникальная планировка града Петра — Санкт-Петербурга. Миллионы людей восхищаются городской структурой северной русской столицы, ее стреловидными проспектами, которые пронизывают тело города и пленительным образом организуют его пространство. К сожалению, имя создателя генерального плана Петербурга, в отличие от других питерских зодчих, «не на слуху». Оно известно специалистам и весьма неширокому кругу любителей отечественной старины. Это Петр Михайлович Еропкин — «птенец гнезда Петрова», архитектор и русский патриот, боровшийся против засилья немцев в государстве при Бироне.

К большому сожалению, очень мало дошло до нас свидетельств о личности и деяниях Петра Михайловича. Многие документы Еропкина, как участника заговора А. П. Волынского, уничтожены, или затерялись, а имя его вымарывалось. Поэтому исследователи редко пишут о его жизни и творчестве. Это не способствует сохранению памяти о выдающемся соотечественнике, ведет к забвению славы великих предков. Ныне все, что имеет отношение к Еропкину, приходится восстанавливать по крупицам. Нам посчастливилось обнаружить новые данные о первостроителе Петербурга, которые и предлагаются вниманию читателя вместе с очерком его деятельности.

О деятельности Петра Еропкина более или менее подробно можно было узнать, обратившись к специальным изданиям по истории архитектуры¹. Но

---

¹ Шилков В. Проекты планировки Петербурга 1737–1740 годов // Архитектурное наследство. № 4. М., 1953. С. 7–13; Истории русского искусства / Под общей редакцией

данные о его жизни там практически отсутствовали. Подробных биографических сведений в специальных работах не содержалось. Точно указывалась лишь дата смерти Петра Еропкина — 27.VI(8.VII).1740 г. Даже дату рождения биографы Петра Еропкина и энциклопедические справочники показывали противоречиво: то 1689 год, то 1698 год, то приблизительно — до 1700 года². Также не было ясности, к какой ветви многочисленной дворянской фамилии Еропкиных принадлежал первостроитель Петербурга. Противоречивость версий отражает источниковедческую скудность и обязывает обратиться к рассмотрению имеющихся архивных материалов.

В Российской государственной библиотеке (РГБ) хранится рукопись «Происхождение, образование, служба государственная Полковника Архитектора Петра Михайловича Еропкина от 1689–1740 г.»³. Она помещена в дорогой переплет, с золотым тиснением заглавия. Автор - Вера Васильевна Еропкина, которой по семейным документам и преданиям могли быть известны подробности о происхождении и жизни создателя плана застройки Петербурга. Родителями архитектора В. В. Еропкина показывает Михаила Федоровича, от брака которого с Устиньей Сафроновной Карповой, по мнению биографа, родился сын Петр, будущий первостроитель Петербурга⁴.

В. В. Еропкина всячески стремилась подчеркнуть свою причастность к роду великого архитектора. По ее построениям выходило, что Петр Михайлович являлся знаменитым представителем их семейной ветви. Сама Вера Васильевна являлась дочерью Василия Михайловича Еропкина. Она

И. Э. Грабаря, В. С. Каменева и В. Н. Лазарева. Т. V. М., 1960. С. 131–144; *Бунин А. В.* Градостроительство рабовладельческого строя и феодализма. Т. 1. М., 1979. С. 371–373; *Михайлова М. Б.* Принципы формирования, методы и организация проектирования русских городов // Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII – пер. пол. XIX веков. М., 1995. С. 99–102; *Калязина Н.В., Калязин Е. А.* Петр Еропкин // Зодчие Санкт-Петербурга: XVIII век. СПб., 1997. С. 155–161.

² *Петров П. Н.* П. М. Еропкин // Зодчий. 1878. № 5; *Еропкина В. В.* Еропкины. Заметка и родословие // Русская старина. 1886. Кн. 3. С. 561–570; *Она же.* Один из птенцов Петра Великого // Исторический вестник. 1903. Май; Большая энциклопедия / Под ред. С. Н. Южакова. Т. 9. С. 215.

³ РГБ. ОР. Ед. хр. 147.

⁴ Те же данные повторяются в публикации В. В. Еропкиной (см.: *Еропкина В. В.* Еропкины. Заметка и родословие // Русская старина. 1886. Кн. 3. С. 570).

сообщает биографические подробности о нем и о своих ближайших предках, которые наследственно владели имением Садки на Лопасне. В частности, о своем отце она говорит как об участнике боев под Севастополем, которому принадлежали Садки и который занимался посредничеством по размежеванию земель в Серпуховском уезде⁵.

О родственных связях В. М. Еропкина со знаменитым архитектором мог свидетельствовать следующий факт. В фондах рукописного отдела Российской государственной библиотеки обнаружили письма В. М. Еропкина, в которых сообщается о пожертвовании фамильных портретов историку М. П. Погодину⁶. Среди них портрет Петра Еропкина, который был издан с участием М. П. Погодина приложением к «Русской старине» в 1886 году⁷. Затем он вошел в собрание «Русских гравировальных портретов». Ныне это единственное изображение первостроителя Петербурга.

Где был «снят» портрет Петра Еропкина — остается загадкой. Семейное предание приписывает его к заграничному периоду, тогда он должен относиться к 1716–1724 гг.⁸ Академическое издание «Истории русского искусства» датирует помещенный в пятом томе портрет П. М. Еропкина 30-ми годами⁹. Поскольку местонахождение оригинала, с которого сделано гравированное изображение ныне не известно, уточнить

⁵ В. М. Еропкин был боевым офицером, участником военных кампаний 1828–29 и 1830–31 гг., а также нескольких сражений Крымской войны (1854–55). Он поступил на службу в лейб-гвардии Гренадерский полк в 1827 году и вышел в отставку в год смерти Пушкина. Вернувшись в имение, служил по делам серпуховского дворянства, а в Крымскую войну снова возвратился в войска и состоял командиром лейб-гвардии Бородинского полка. Был дважды ранен — при битве под Вязьмой и на Инкерманских высотах, после чего окончательно оставил ряды армии, поселился в Тверской губернии, где и скончался в 1870 году (*Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц. Десятый выпуск. М., 1907. С. 34–35).

⁶ РГБ. ОР Фонд № 231 (М. П. Погодина). Раздел II. Картон № II. Ед. хр. 91.

⁷ Русская старина. 1886. Т. 50.

⁸ В таком случае возможно предположить, что он мог быть сделан в Италии, где одновременно с будущим архитектором обучались живописи братья Иван и Роман Никитины, Михаил Захаров и Федор Черкасов. Может быть, кто-то из них и написал тогда портрет соотечественника? Впрочем, сам В. М. Еропкин связывал создание портрета с пребыванием архитектора в Париже. Ошибка ли это В. М. Еропкина, или оговорка с оглядкой на «парижскую» моду, бытовавшую в дворянских, — трудно угадать.

⁹ История русского искусства. Т. V. С. 135.

время его создания невозможно.

Сохранение в семье преданий и реликвий, связанных с Еропкиным, давало основание с доверием отнестись к сообщаемым В. В. Еропкиной сведениям о биографии знаменитого архитектора и его ближайших родственниках. К числу таковых Вера Васильевна относит своего деда — Михаила Николаевича. В семейных родословных заметках сообщается, что в 1818–1820 гг. тот был избран предводителем дворянства Серпуховского уезда, «где у него было имение — село Лопасня, Садки тож». Специально подчеркивается, что данная «вотчина» перешла к нему по прямой линии от предков Еропкиных¹⁰. В. В. Еропкина пишет также о брате прапрадеда своего отца — стольнике Афанасии Владимировиче, который участвовал в мире с польским королем в крымском походе, а в 1691 году принял монашество под именем Аарона, стал епископом карельским и ладожским, а затем оказался в Ниловой пустыне, где и скончался 1 мая 1740 года¹¹. Объясняется и причина опалы на сановитого представителя еропкинского рода: «Епископ Аарон был очень дружен с родственником своим, сыном Михаила Федоровича Еропкина — Петром...»¹².

У епископа Аарона, с которым, как писала В. В. Еропкина, архитектор Петр Еропкин поддерживал особенно дружеские отношения, были братья: Иван и Михаил Еропкины. Они служили стольниками при дворе царицы Прасковьи Федоровны в 1686–92 гг. С этими Еропкиными связывалась еще одна версия происхождения П. М. Еропкина¹³. Ее сторонники исходили из того, что сыном Михаила родословные росписи показывали Василия Михайловича. По Ландтрацкой книге он владел в 1707 году половиной сельца Садки на реке на Лопасне. Другая половина сельца числилась за его матерью, вдовой Михаила Владимировича, — Софьей Ивановной Еропкиной. В те же годы по Писцовым книгам (1710 г.) небольшое имение в

¹⁰ *Еропкина В. В.* Еропкины. Заметка и родословие // Русская старина. 1886. Кн. 3. С. 563.

¹¹ Указ. соч. С. 564.

¹² Там же. Сведения эти почти дословно совпадают с биографической справкой о Петре Еропкине, находящейся составе «Дела о дворянстве Еропкиных», датирующегося серединой XIX века (См.: ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Ед.хр. 657. Л. 20).

¹³ *Прокин А. М., Макаров А. В., Сольев Ю. Ф.* По родным местам. М.: «Московский рабочий», 1967. С. 36; *Они же.* Колыбель и слава предков. М., 1998. С. 190.

соседнем селе Кулакове, шесть крестьянских дворов и господский дом, числились за Петром Михайловичем Еропкиным. На этом основании А. М. Прокин принял имеющих общее отчество соседей-помещиков за братьев. Если Василий Михайлович и Петр Михайлович родные братья, то матерью архитектора была Софья Ивановна. Следовательно, можно было сделать и вывод о том, что Петр Еропкин родился в Садках.

Обе версии в итоге разысканий не подтвердились. Ошибочность версии В. В. Еропкиной, согласно которой отцом Петра Еропкина назван московский дворянин Михаил Федорович, очевидна. Во всех родословных росписях у М. Ф. Еропкина назван только один сын — Воин Михайлович. В 35-ой главе «Бархатной книги» М. Ф. Еропкин обозначен, но Петра Михайлова сына мы там не обнаружим¹⁴. Есть бесспорный документ, не дающий права считать названного Михаила отцом архитектора. В Российской государственной библиотеке отыскалась поколенная роспись рода Еропкиных, составленная на бумаге 1784 г. потомками Михаила Федоровича. Никаких следов Петра Михайловича в этих документах не обнаруживалось. Зато «Дворянская родословная книга» П. Долгорукова показывала Петра Еропкина, архитектора, казненного в 1740 году, сыном Михаила Федоровича и Устиньи Сафроновны Карповой. П. Долгоруков показывал еще и брата казненного — Воина Михайловича. Вот из какого источника В. В. Еропкина могла почерпнуть приведенные ею сведения. Понятно, что среди Еропкиных нужно искать другого Михаила.

«Заметка и родословие» Еропкиных написаны В. В. Еропкиной в Твери, в 1885 году, о чем свидетельствует датировка в журнальной публикации «Русской старины». В. М. Еропкин, автор писем к М. П. Погодину, оказался последним владельцем Садков из Еропкиных, который продал имение и переехал в Тверь. Стало понятным, почему рождение П. М. Еропкина в книге «По родным местам» было отнесено к Садкам. По данным отписных книг за 1706 год описывались небогатые имения офицеров петровской армии: полсельца Репникова с пустошами за Михаилом Владимировичем

---

¹⁴ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. II. М.: В университетской типографии у Н. Новикова, 1787.

Еропкиным, и полсельца Кормаленсова на речке Рогожке за Иваном Владимировичем Еропкиным¹⁵. Это были села Лопасненской округи, которые в петровское время именовались Замыцкой волостью¹⁶. «Указатель селений и жителей уездов Московской губернии» показывал уже известного нам штабс-капитана Василия Михайловича Еропкина владельцем Садков, Сафонове и Репниково, в которых за ним числилось 867 душ крепостных обоого пола¹⁷. Все упомянутые в родословной росписи В. В. Еропкиной лица относились к линии предков ее отца Василия Михайловича Еропкина. Но проверка показала, что семейные связи Петра Михайловича иные.

Родословия Еропкиных, как мы видим, разноречивы. В десятках родословных дел Еропкиных из фондов Центрального исторического архива г. Москвы (ЦИАМ) архитектор Петр Еропкин упоминается лишь в нескольких как далекий, но знатный предок. Но ни одна из родословных росписей не показывала Петра Михайловича Еропкина под своим номером в таблице-схеме. Это и понятно. Архитектор был казнен бездетным, у него не было прямых потомков и некому было доказывать свое дворянское происхождение, ссылаясь на него как на своего предка.

В «Родословных записях» Л. М. Савелова есть раздел, в котором специально расписаны родословцы Еропкиных. Всего в списке служивших московскими дворянами показаны три Михаила Еропкиных. В архиве Ю. Б. Шмарова собраны родословные выписки на Михаила Матвеевича Еропкина. От него разбежались шесть стрелок: Алексей, Николай, Петр, Анна, Екатерина, Авдотья. Подтверждение обнаружилось в шестой части родословца «Дворянского сословия Тульской губернии», где показаны потомки Михаила Матвеевича Еропкина — Николай, Петр, Авдотья, Анна и Алексей. У капитана Алексея Михайловича Еропкина жена — Анна Васильевна Олсуфьева¹⁸. Те же данные воспроизводятся в фонде Тульского дворянского

¹⁵ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века / Составитель К. В. Сивков. М., 1951. С. 182 и 185.

¹⁶ *Готье Ю. В.* Замосковский край в XVII веке. Издание второе. Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 392.

¹⁷ *Нистрем К.* Указатель селений и жителей Московской губернии. М., 1852. С. 722.

¹⁸ *Чернопятов В. И.* Дворянское сословие Тульской губернии. Т. III–(XII). Родословец. Материалы. Часть VI. 1909. С. 184

собрания. Там находится полный свод сведений о Еропкиных, составленный для Р. Д. Еропкина, предводителя тульского дворянства.

На сей раз цепочка Михаил — Петр бесспорно обозначает род архитектора. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) среди описи имений, осужденных по «делу» А. П. Волынского, перечисляются описанные «на Ея императорское величество» имения, которые казненный архитектор «по даче 714 году ноября 22 дня поступился ему отец его Михаила Матвеев сын Еропкин, в Рязанском уезде...»¹⁹. В документе Михаил Матвеевич прямо назван отцом казненного архитектора²⁰.

Об отце Петра Михайловича и его ближайших родственниках свидетельствуют и другие документы. По «Переписи московских дворов XVIII столетия» 1716 г. описывается двор полковника Михаила Матвеевича Еропкина в приходе церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Покровке в Котельниках. По той же переписи за ним значатся дворы Напрудной слободы²¹.

¹⁹ РГАДА. Фонд № 1239. Ед. хр. 1563. Л. 242.

²⁰ Реконструкция верхних звеньев родословной цепи выдающегося архитектора Петра Еропкина большого труда не представляет. Начало ветви дал Федор Андреевич, который состоял воеводой в Орле и известен тем, что оказал сопротивление Лжедмитрию (1604г.). У Федора, как показывают родословные росписи и Николай Новиков в «Бархатной книге», было два сына: Михайло да Павел. От Павла Федоровича идет прямая линия к нашему архитектору. Павел в 1632–33 годах служил воеводой в Мосальске, а в 1635 г. постригся в монастырь. Потомки его брата Михаила стали в дальнейшем владельцами Садков на Лопасне. Алексей Павлович, прадед архитектора Петра Еропкина, служил воеводой в Вологде (1658г.) и в Великом Устюге (1677–1678 гг.). Дед Матвей Алексеевич в «Родословных записях» Л. Савелова показан стряпчим и стольником (1680–1686). По родословному делу «О дворянстве Еропкиных», хранящемся в ЦИАМ, Матвей Алексеевич значится на воинской службе с 1679 года. Он участвовал в Крымских походах (1687 и 1689) в составе большого полка воеводы кн. В. В. Голицына. В том же деле об отце архитектора Михаиле Матвеевиче даны следующие сведения: «В смотренном списке 1689 и 1690 годов значится в стольниках, в тех же годах был в походе в Троицком Сергиеве Монастыре. За службу получил придачу к прежнему окладу» (ЦИАМ. Фонд № 4. Оп. 14. Ед. хр. 657). В «Записях» Л. Савелова за 1692 г. Михаил Матвеевич показан стольником царицы Прасковьи Федоровны, объединявшей вокруг себя так называемую «русскую партию».

²¹ Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896. С. 22, 166. Есть данные и о ближайших родственниках П. М. Еропкина. В том же приходе, согласно «Переписным книгам города Москвы», под № 433 описываются пострадавшие от пожара 1737 г. владения титулярного советника Алексея Михайлова, сына Еропкина. Это брат архитектора. На основании документов Герольдмейстерской канцелярии ЦГАМ он был сыном Михаила Матвеевича, стольника царицы Прасковьи Федоровны (1692г.). Алексей

Отыскалась исповедная книга церкви Успения на Покровке за 1737 год. И в ней под номером 16 значился дом архитектора Петра Михайлова сына Еропкина и перечисляются жившие в нем служилые люди. Но сам архитектор, среди подлежащих исповеданию не назван. Что и понятно: в Москве он в это время не живет, работает в Петербурге. Но что примечательно: Еропкин так и поименован в росписи архитектором²². К тому времени он был, следовательно, достаточно известен в Москве, как архитектор.

Как следует из достоверных источников, гнездо Еропкиных, из которого происходит знаменитый архитектор, обнаружено в Белом городе Москвы. Ясно, что по рождению будущий первостроитель Петербурга был человек московский и скорее всего родился в доме на Покровке.

Есть данные и о владениях «полковника Петра Михайлова сына Еропкина» в Подмоскowie. В 1740 г. ему принадлежали шесть крестьянских дворов и двор владельца в селе Кулакове, находившемся в уже упоминавшемся ареале Лопасненских земель Еропкиных. Сам Петр Еропкин тут не живет, а находятся в том дворе его «служилые люди»²³. В 1742 году небольшое имение в Кулакове перешло к брату — титулярному советнику Алексею Еропкину. Это следует из указа Елизаветы Петровны от 15 февраля 1742 года. Так и должно быть по праву наследования — владение переходит к родному брату после казни архитектора.

Итак, первостроитель Петербурга – Петр Еропкин – происходит из служилого рода московских дворян. Судя по земельным владениям, он отпрыск той ветви рода, которая прочно осела в Лопасненской округе

Еропкин выпущен из Семеновского полка в Астраханский пехотный полк прапорщиком, позже уволен от военной службы, назначен коллежским асессором при канцелярии конфискации в Москве, затем в 1761 году произведен по указу Елизаветы Петровны в надворные советники. В 1762 году пожалован в коллежские советники и действительные статские советники. Умер в 1763 году. Женат был первым браком на Прасковье Петрове Сумароковой, вторым - на Анне Васильевне Олсуфьевой (ЦИАМ. Фонд № 4. Оп. 1 Ед. хр. 654. Л. 20–20 об.). Благополучная, удачливая карьера, не в пример брату-архитектору!

²² ЦИАМ. Фонд № 203. Оп. 747. ед. хр. 5. Л. 126–126 об.

²³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед. хр. 44. Л. 561 об.

Подмосковья с середины XVII столетия²⁴.

Долгое время вообще ничего не указывало на пребывание П. М. Еропкина на Лопасне. Из двух находящихся здесь усадеб, одна — Зачатьевское — была связана с именами Васильчиковых и Гончаровых²⁵. Другую — Садки — в обиходе называли «рюминской», по имени последнего владельца П. М. Рюмина. Он был предводителем серпуховского уездного дворянства, занимался коммерцией и это позволяло держать усадьбу в идеально примерном состоянии²⁶. Казалось, что ничего примечательного, кроме рачительной заботы об архитектурно-парковом хозяйстве, которым распоряжался состоятельный владелец, здесь ожидать трудно. Культурное значение усадьбы, в сравнении с соседним Зачатьевским, казалось «темным» и загадочным. Но по архивным документам было установлено, что до Рюминых, Садками более двух веков владели представители рода Еропкиных. Именно они были создателями удивительного по красоте архитектурно-паркового комплекса на берегу реки Лопасни²⁷. Сначала не было ясно, кто из садковских Еропкиных оставил заметный след в истории Отечества.

²⁴ Из этих же мест происходит один из его ближайших друзей, единомышленников и соратников по строительным работам в Петербурге — Федор Иванович Соймонов. Оба друга проходили по делу Волынского, только Соймонову смертный приговор был заменен каторгой. Родовое имение отца Ф. И. Соймонова находилось в селе Васильевское, что в нескольких километрах от бывшей Лопасни, а ныне г. Чехова, — по серпуховской дороге. По разделу отцовского имения Ф. И. Соймонову досталась соседняя деревня Волосово (на той же дороге, ныне в границах Чеховского района). В этой деревне и провел сподвижник Петра I «одиннадцать скушных лет» после возвращения в 1742 году из охотской ссылки, пока не был снова призван на государственную службу (*Гольденберг А.* Федор Иванович Соймонов. М.: «Наука», 196... С. 7 и др.).

²⁵ Внимание краеведов и маститых ученых было сосредоточено на Лопасненской усадьбе Зачатьевское, которая с 1905 года принадлежала племяннице А. С. Пушкина Наталье Николаевне Гончаровой и с которой была связана судьба многих потомков великого поэта. Особенно это пушкинское гнездо на Лопасненской земле прославилось после находки в имении пушкинской рукописи «История Петра».

²⁶ Сказочную пышность имения и его идеальное состояние описал А. П. Чехов, в своем письме издателю А. С. Суворину (*Чехов А. П.* Собр. соч. В 12-ти томах. Т. XI. М., 1956. С. 575–576).

²⁷ Подробно почти четырехсотлетняя история этой подмосковной усадьбы изложена в статье: *Мильков В.И., Мильков В. В.* Садки // Московский журнал. 2012. № 6 (258). С. 26–49

Первыми усадьбу Садки с родом Еропкиных, как уже отмечалось, связал А. М. Прокин – один из авторов книги «По родным местам». В ней говорилось, что из семьи Еропкиных, владевшей Садками и соседним селом Кулаковым, вышел видный общественный деятель и выдающийся архитектор, образованнейший человек своего времени Петр Михайлович Еропкин.

Архитектурно-парковый ансамбль в Садках долгое время считался единственным местом, связанным с именем выдающегося зодчего. Нижний каменный этаж усадебного дома в Садках, возможно, был построен еще в годы активной деятельности первостроителя Петербурга. Основа планировки усадьбы закладывалась так же в то время, когда жил и творил архитектор Петр Еропкин. В роду Еропкиных ценили красоту. И несомненно, что при относительно скромных средствах Еропкины заказывали планировку парка и проекты построек кому-то из умелых и опытных архитекторов. А может быть Садки своей пространственной гармонией обязаны замыслу гениального зодчего? Владея землями совсем неподалеку от Садков, он вполне мог приложить руку к проектированию архитектурно-паркового комплекса своих родственников и соседей.

В книге А. М. Прокина и его соавторов указывалось не только место рождения знаменитого земляка, но и время его появления на свет: «Он родился в Лопасне в 1689 году»²⁸. На самом деле точная дата рождения архитектора, создавшего уникальную трехлучевую планировку северной столицы, остается неизвестной. Метрические книги и по церкви Успения на Покровке в Котельниках, по церкви Иоанна Предтечи в Садках, а также и по Никольской церкви села Кулакова за соответствующие годы не обнаружены. По косвенным признакам (возраст дворянских отпрысков, отправлявшихся на учебу за рубеж) время появления на свет будущего архитектора можно условно относить к самому рубежу XVII–XVIII столетий (ок. 1700 г.).

Теперь, в свете выявленных архивных источников, о происхождении и семье П. М. Еропкина можно говорить с большей определенностью,

---

²⁸ Прокин А. М., Соловьев Ю. Ф., Макаров А. В. По родным местам. М.: «Московский рабочий», 1967. С. 36.

корректируя ошибочные сведения на этот счет в имеющейся библиографии.

Дальнейшие вехи жизни П. М. Еропкина прослеживаются в их основных чертах.

Согласно архивным документам, юный Петр Еропкин получил образование за границей. Молодой дворянин Еропкин принадлежал к числу тех «добрых ребят», которых русский царь направлял в западные страны учиться наукам и художествам. Петровская политика имела далекий и верный прицел: она преследовала целью подготовку своих национальных кадров художников и ученых, по достоинству способных соревноваться умением, разумом и искусностью с зарубежными знаменитостями. Петр Еропкин принадлежал к числу первых русских архитекторов, получивших профессиональную подготовку в Европе и реализовавших свои познания и умения во благо родной страны.

Начало архитектурной работы Петра Михайловича Еропкина захватило лишь последний год петровского царствования. Но вся его жизнь прошла под знаком идей и устремлений эпохи великих преобразований Петра I. Петровская эпоха выдвинула и воспитала многих выдающиеся деятели, наделенных практической хваткой, широким кругозором и отличным знанием своего дела. К таким личностям, безусловно, относится и архитектор Еропкин. Он включился в созидательную работу то время, когда в русской культуре совершался перелом, имевший огромное историческое значение для развития России. Русь расставалась со Средневековьем. В стране формировалась, в основе своей, советская культура, открытая внешним влияниям. Все эти черты нового, прогрессивного, несет в себе и творчество прошедшего хорошую европейскую школу Петра Еропкина.

Европейский период биографии П. М. Еропкина реконструируется следующим образом. По приказу Петра I Конону Зотову было велено определить будущего градостроителя и еще троих его сотоварищей на обучение архитектурному искусству. Весной 1716 года будущие зодчие отправились в Италию под покровительством Ю. И. Кологривова, который прежде сам обучался в Риме архитектуре. Из его донесений известны некоторые подробности заграничного путешествия учеников. Из

Амстердама Кологривов отвез вверенных ему четырех учеников — Петра Еропкина, Тимофея Усова, Федора Исакова и Петра Колычева — на «брантовом фрегате в Ливорну». В Ливорно молодые дворяне обучались языку, пока покинувший их Кологривов выполнял поручения императора. Через Венецию и Флоренцию они самостоятельно прибыли в Рим, где встретились с Кологривовым. Последний взял им для обучения архитектора Л. Чиприани. Там они испытывали нужду и лишения, получая в месяц на содержание сначала по 15, а потом по 10 ефимков²⁹.

В 1719 г. уехавшего в Россию Кологривова сменил С. В. Рагузинский, под опекой которого пенсионеры Петра продолжали осваивать науки. Получив от него положительную рекомендацию об успехах в учебе, царь затребовал специалистов на родину. В 1723 г. они на обратном пути задержались в Неаполе, а в январе 1724 года Тимофей Усов и Петр Еропкин возвращались в Россию через Амстердам. Весной того же года оба уже находились в Москве.

Сам царь испытал, на что способны выученные им дворянские дети. По возвращению они предстали перед Петром I и сразу получили от него ответственный и почетный заказ на проектирование царского дворца в подмосковном селе Преображенском под Москвой. Столь необычным оказался экзамен, который Петр устроил вернувшимся из Европы молодым архитекторам.

Русский царь заказал проекты одновременно Еропкину и его сотоварищу по итальянской командировке. Одобрение получил еропкинский проект, по которому в конце 1724 года и начались строительные работы в Преображенском. Чертежи не сохранились, но о замысле можно судить по обстоятельному пояснению к проектной документации.

Задача осложнялась тем, что требовалось реконструировать находившийся в Преображенском ветхий дом адмирала Ф. А. Головина, приобретенный царем. Были представлены чертежи и макет дворцового комплекса. В первоначальной работе молодого зодчего сразу же сказался его

---

²⁹ РГАДА. Госархтв. Разрозн. XVII. Дело № 303. Л. 2; РГАДА. Кабинет Петра I. Отд. II. Дело № 41. Л. 238–239.

характерный почерк. Петр Еропкин предлагал «вписать» двухэтажную царскую резиденцию в естественный ландшафт, обратив ее фасадом к реке Яузе: «смотря по месту и зберегая дерев, принужден был сделать палаты небольшие, такоже и пруды, и на цветниках было место нерегулярно, такожде и не больше»³⁰. Главным в идее проекта был чуткий и бережный учет рельефа и всего природного окружения. А скромные размеры строения соответствовали практическому духу архитектурных требований Петра I, не одобрявшего показной пышности в дворцовых постройках. Начатое строительство в Преображенском прервала смерть царя. В упрощенном виде постройка все-таки была завершена через пять лет, но сгорела в 1737 г.³¹ Получается, что деятельность Петра Еропкина, как архитектора, началась за 12 лет до того, как стал он фактическим руководителем и вдохновителем строительства Петербурга. И начиналась она на родной московской земле.

Но одним одобрением дворцового проекта царем дело не ограничилось. Петр I специальным указом, изданным в декабре 1724 года, повелел действующим тогда в России архитекторам освидетельствовать вернувшихся на Родину учеников и проверить владение ими тонкостями своей профессии. Еропкин с сотоварищами были проэкзаменованы комиссией в составе Доменико Трезини, Михаила Земцова и Варфоломея Растрелли. Теоретические знания были оценены высоко, но до обретения практических навыков некоторые члены комиссии сочли возможным считать их лишь помощниками архитектора («гизелями»). Только в 1725 году Петр Еропкин и Тимофей Усов были возведены в звание архитекторов с жалованием в 550 рублей³².

На смену счастливому началу деятельности Петра Еропкина в Преображенском пришло трудное время. Из-за дворцовых переворотов и борьбы придворных партий многие из лучших предназначений Петра I были предано забвению. Северная столица постепенно приходила в запустение.

---

³⁰ РГАДА. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 66. Л. 890-891.

³¹ Колязина Н. В., Колязин Е. А. Петр Еропкин // Зодчие Петербурга: XVIII век. СПб., 1997. С. 161.

³² См. об этом: Русская архитектура первой половины XVIII века. М., 1954. С. 173–176; История русского искусства. Т. V. С. 119.

Многие из знатных вельмож покинули ее и переселились в Москву. Заброшенные строения ветшали. Начатое строительство загородных резиденций после смерти императора шло вяло. Масштабных задач перед подготовленными кадрами отечественных специалистов не ставилось. Поэтому в первые годы послепетровской поры архитектору Еропкину не пришлось вести самостоятельных работ.

Вместе с тем, это было время, с которого начинается отчет петербургским свершениям будущего главного архитектора северной столицы. В 1726–1728 гг. Петру Еропкину пришлось осуществлять руководство строительными работами на разных объектах в Стрельне и Петергофе. По чертежам Земцова он соорудил в эти годы Ассамблейный («Арапский») зал и хозяйственные помещения в Монплезире. После того, как Тимофея Усова, продолжавшего начатое итальянцем Никколо Микетти строительство дворцов Стрельны, осенью 1726 г. отозвали в Москву, работы по сооружению Стрельнинского дворца были поручены Еропкину. Во второй половине 20-х годов Петр Еропкин живет и работает то в Петербурге, то в Москве, где также были востребованы его профессиональные навыки.

В 1726 году Петра Еропкина вместе с Иваном Устиновым включили в состав комиссии по обследованию рухнувшего в 1723 году каменного шатра собора Новоиерусалимского Воскресенского монастыря³³. Были выявлены подвижки грунта и рекомендовано возведение новых стен. Работ на заложенном еще патриархом Никоне объекте самому архитектору вести не довелось. Реставрация собора в Новом Иерусалиме производилась десятилетие спустя после гибели Петра Еропкина — в 50-х годах. Ее осуществили В. В. Растрелли и К. П. Бланк.

Осенью 1727 г. прошедшим итальянскую выучку архитекторам было предписано возвести триумфальные ворота в Москве по случаю коронации Петра II. Деревянные сооружения были поставлены на Тверской, на Мясницкой и в Китай-городе. До нас дошли подлинные авторские рисунки сооружений (или копии с них, по мнению некоторых исследователей). Они

³³ Гамбурцев. Словарь московских архитекторов. С. 37 // ГИМ. ОПИ. Фонд № 327. Ед. хр. 28.

позволяют говорить, что работа была выполнена со смелостью и творческой свободой, свидетельствующей об отличной выучке и мастерстве создателей этих сооружений. Арки были украшены Еропкиным скульптурами аллегорического значения. Не смотря на барочные черты праздничные сооружения не были перегружены. Четко выражено стремление к ясности и стройности форм в духе архитектурных идеалов петровской эпохи.

В конце 20-х годов Еропкина привлекли к участию в создании архитектурного ансамбля в Лефортове. Здесь по приказу Петра I на месте палат Ф. А. Головина возводился новый дворец и сад. В 1726 г. сюда из Стрельни командировали сотоварища Еропкина — Усова, который умер в 1728 г. Видимо новое назначение Петра Михайловича было вызвано этим. По ходу работ понадобилось внести уточнения в планировку ансамбля. В связи с чем архитектором Еропкиным и было представлено в Сенат «ведение да мнение, каким образом поправлять головинские палаты, что на Яузе»³⁴. Видно, что за «мнением» и «ведением» Петра Еропкина в вопросах проектирования достаточный признавался авторитет.

В сентябре 1730 г. Сенат поручает Еропкину изучить обветшалости Успенского собора Московского кремля. Результатом было создание осмеченного перечня необходимых работ в историческом храме древней столицы Руси. Согласно данным следственного дела, по которому архитектор проходил как участник «заговора Волынского», во время своего пребывания в Москве Еропкин перестраивал усадьбу вдохновителя антибирионовской партии: «... а у него бывал, особливо когда он зачал переделывать свой двор, збирая большие хоромы из разных мелких строений, то я для того строения ему многие чертежи сочинил и некогда и строения смотрел...»³⁵. С А. П. Волынским он близко сошелся как раз в последние годы третьего десятилетия. Дружеские и родственные связи (с 1731 г. его сестра Софья замужем за Волынским) сыграли роковую роль в судьбе архитектора.

---

³⁴ Светин П. В. История планировки и застройки Москвы // Труды музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 1. М., 1950. С. 222.

³⁵ Цит. по: Калязина Н. В., Калязин Е. А. Указ. соч. С. 165.

Завершая обзор московского периода биографии зодчего, остается сказать, что Еропкину приписывается один из старинных архитектурных ансамблей Подмосковья — усадьба Глинки, расположенная в 5 км от впадения реки Вори в Клязьму. Создание усадьбы Глинки относится к 20-м - 30-м годам, когда здесь поселился вышедший в отставку сподвижник Петра I Я. В. Брюс — известный ученый, инженер, математик и слывший магом астролог. При незначительных поздних изменениях, этот ансамбль дошел до наших дней. Небольшой двухэтажный усадебный дом отличается спокойными формами архитектуры. По обоим фасадам — дворовому и садовому — дом имеет внутренние балконы-лоджии. Лоджии второго этажа оформлены парными колоннами, а прорезающие центральную часть дома три арки обработаны рустами. Рустами обработаны и оконные проемы в первом этаже. Окна второго этажа обрамлены затейливыми фигурными наличниками. Внешний вид дома на фоне подступающих с садовой стороны парковых деревьев производит впечатление какой-то своеобразной интимной скромности. Поблизости от главного усадебного дома — сохранились и другие усадебные постройки — садовый павильон, кладовая, конюшня, оранжереи и кордегардия. По замыслу архитектора въездная аллея рассекает усадьбу на две части: парадную — с главным домом и расположенными к нему симметрично под углом двумя флигелями, и хозяйственную — с конным двором. Прежде бывший регулярным парк, с устроенным в нем прудом, теперь воспринимается как пейзажный³⁶.

В жизни Петра Еропкина 1731 год обозначает начало нового периода творческой деятельности. С этого времени прочно и до конца дней самые заветные помыслы и труды архитектора связаны с городом, основание

³⁶ Случайное то совпадение или нет, а композиционная идея замысла Петра Еропкина и в Глинках и в Преображенском удивительно перекликается с примечательной особенностью архитектурной композиции усадебного ансамбля в Садках. «Резиденция» на берегу Лопасни несравненно конечно более скромных размеров, но как будто в миниатюре повторяет общий для нее с парадными комплексами образ. Дом в Садках поставлен также на прибрежной террасе, фасадом к реке. Планировка небольшого парка — нерегулярная. Скромный по размерам пруд. Все — «смотря по месту», все подчиняется окружающей среде, вписывается в естественный пейзаж. А ведь такое же впечатление производит и подвальное помещение дома в Садках: цокольный этаж с невысокими окнами, облицованный белокаменными блоками придает со стороны въездной аллеи довольно скромному строению внушительный вид.

которому положил его великий тезка, воспитатель и духовный наставник — Петр I. Весною Петр Михайлович прибывает в Петербург для подготовки зданий к приему царского двора. В 1732 году заложенный Петром город снова стал столичным. Петра Михайловича подключают к работам Канцелярии от строений — одной из созданных в 1723 г. с целью строительства и развития городских структур.

Попытки упорядочения питерской застройки делались и прежде. До учреждения Канцелярии от строений существовала Канцелярия городских дел, которая в 1706-1723 гг. под опекой Петра предпринимала первые попытки планирования в городе на Неве. В 1718 г. была учреждена Полицмейстерская канцелярия, на которую возлагался надзор за строительством Петербурга. Ею осуществлялось социальное зонирование и возведение домов по образцам³⁷. Надзорные органы оказались малоэффективными. Архитектурные силы тогда были расплывены. Централизацию заменяла специализация. Управление строительства было разделено между несколькими ведомствами: общественные здания находятся в ведении Канцелярии от строений, дворцы — Дворцовой канцелярии, частная застройка — Полицмейстерской канцелярии. Крепостными сооружениями ведала Канцелярия артиллерии и фортификации, а портовым строительством Адмиралтейств-коллегия.

Петр Еропкин получил назначение на должность «архитектора полиции». На него возложен надзор за «обывательскими» постройками и благоустройством города. При исполнении этих обязанностей архитектору приходилось направлять силы на преодоление хаоса стихийной застройки, заниматься осушением участков, налаживать городское хозяйство: мощение, набережные, мосты. После периода запустения города много в нем требовало ремонта. В обязанности полицай-«архитектора» входил круг задач, которые решает главный архитектор города. По сути, таковым он и был, только не доставало полномочий.

Петр Еропкин свой новый период архитектурной деятельности начинал в

---

³⁷ Михайлов М. Б. Указ. соч. С. 94–98.

чрезвычайно неблагоприятной для настоящего творчества атмосфере. Отсутствие централизации в работе архитектурных служб, многочисленные указы по частным вопросам строительной деятельности — все это было типичными чертами безвременья эпохи бировщины. Существовавший порядок управления мало способствовал преодолению стихийности и хаотичности в градостроительстве. Иное дело прежние, петровские времена. Сам император непосредственно руководил строительством новой столицы своими указами. Ставил людей, типа Д. Трезини, которые могли реализовывать его замыслы.

Хотя царские распоряжения не всегда были последовательны, они диктовались единым замыслом — создать с использованием европейского опыта принципиально новый город: с прямыми улицами, с садами, бульварами и системой каналов. Все нацеливалось на возведение столицы, не имеющей себе подобия в предшествующем русском градостроительстве. По сути, сам Петр направлял всю деятельность по возведению главного города страны на берегах Невы. Для решения масштабных задач, выдвигались и масштабные личности. Политика правительства Анны Иоанновны преследовала иные цели и о преемственности говорить не приходится. Не мастера и не специалисты, а, алчущие легкой наживы карьеристы по протекции курляндского немца Бирона устремились в Россию. Многие из сподвижников и воспитанников Петра вынуждены были влачить жалкое существование, или оказывались в условиях трагически невыносимых³⁸. Но все-таки столице требовалось развитие. И все что делалось разумного в этом направлении, делалось не благодаря устремлениям высшей власти, а вопреки им. В первую очередь заслуга здесь Еропкина и трудившихся обок с ним соратников-зодчих: М. Г. Земцова, И. К. Коробова. Во многом своими талантами и энергией они компенсировали отсутствие понимания задач градостроительства во властных структурах.

---

³⁸ Даже в глазах иностранца Якоба Штелина, выпущенного из Германии в 1737 году «для словесных наук и аллегорических изобретений для *фейерверков*, иллюминаций и медалей», судьба русских художников — И. Никитина и А. Матвеева — представлялась незаслуженно трагичной: «какие великие мастера погибли в лице этих первых воспитанников Петра Великого» (Цит. по изд.: История русского искусства. Т. V. С. 325).

Вот пример должностной чехарды, демонстрирующей отсутствие долгосрочной стратегии развития столицы как единого организма. По указу императрицы Петр Еропкин был переброшен с городских дел на строительство Александро-Невского монастыря, которое возобновилось в 1735 году. То было одно из детищ Петра I. Монастырь начали возводить в 1710 году по проекту Доменико Трезини. Петровский замысел этой грандиозной постройки заключал в себе особый государственный смысл: Александро-Невская лавра создавалась как памятник победе русского оружия над шведами на берегах Невы и должна была напоминать соотечественникам о военной славе России, умноженной блестящими баталиями регулярной петровской армии и молодого российского флота. При Анне Иоанновне это была уже чисто представительская стройка для менявшей столичный град Церкви. Руководство строительством Александро-Невского монастыря Еропкину переходит от Михаила Земцова, который заведовал архитектурной частью Канцелярии от строений. В свою очередь, Михаил Земцов заменил Петра Еропкина на посту архитектора Полицеймейстерской конторы Петербурга. Для Петра Еропкина руководство строительством возводившегося по чужому замыслу монастыря было хотя и почетной, но достаточно частной задачей, отвлекавшей его от любимых занятий масштабным проектированием и благоустройством городской территории.

Одновременно он возводит дома для переезжавших в столицу вельмож. В городе на Неве продолжалось в эту пору преимущественно лишь дворцовое строительство, да возведения домов перебивавшейся в новую столицу знати. В архиве Стокгольмского музея обнаружены изображения фасадов возведенных им особняков. По ним можно судить, каким Еропкин планировал дворец кабинет-министра Анны Иоанновны князя А. М. Черкасского. На чертеже здания обозначено, что оно было построено по проекту «несчастливого Гиравкина». Рисунки дают полное представление о внешнем виде домов фельдмаршала И. Ю. Трубецкого, обер-егермейстера А. П. Волынского и вице-канцлера А. И. Остермана. Об авторстве проекта дома Остермана доподлинно свидетельствуют письма архитектора к секретарю

Остермана, написанные в 1735-1737 гг.³⁹ Остальные атрибутируются по характерным чертам их бесспорных аналогов. Все строения были трехэтажными, располагались на Дворцовой и Английской набережных, а в отделке сочетались черты барокко и дворцовой архитектуры раннего Возрождения. Для еропкинских творений была характерна привносимая им в барокко строгость. Окна отделялись фигурными наличниками без вычурности. Фасады оживлялись комбинацией наличников разных форм, рустом, композиционным членением стен по горизонтали и вертикали. Отсутствие пышности компенсировалось затейливостью. В перестроенном виде некоторые из этих построек дошли до нашего времени.

Кроме частных построек архитектор разрабатывал так и оставшийся неосуществленным проект Гостинного двора, который планировалось возвести на Большой перспективе (ныне Невский проспект). Есть предположение, что он принимал участие в проекте перестройки усадьбы Головкиных в Ропше, на что указывает присутствие на чертеже имени его ученика Ивана Андреева. На Мойке Еропкин строит для своего зятя Волынского одноэтажный деревянный дом с резными наличниками и балюстрадным завершением. В этом доме хозяин устраивал встречи с единомышленниками («конфидентами»), недовольными засильем немцев. Среди них был и строитель дома. Позже, на основании выбитых из слуги сановника показаний, всем «конфидентам» будет предъявлено обвинение в причастности к «заговору А. П. Волынского». Память о той постройке и ее владельце сохранилась в названии Волынского переулка.

Видно, что деятельность Петра Михайловича в той далеко не простой обстановке была активной, разносторонней и продуктивной. Спустя чуть более полвека после ухода из жизни градостроителя это уже было отмечено в первом упоминании об архитекторе Еропкине в печати. Автор работы совершенно справедливо констатировал, что до 1730 года в Петербурге были известны «только одни чужестранцы», на смену которым пришли такие замечательные отечественные зодчие как Петр Еропкин и Михаил Земцов.

---

³⁹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Дело № 322. Ч. IV. Л. 27–52 об. Об этом см.: *Калязина Н. В., Калязин Е. А.*. Указ. соч. С. 166–170.

Действительно, с возвращением петровских стипендиатов из Европы начинает формироваться русская архитектурная школа⁴⁰. Профессионально подготовленные специалисты на равных с именитыми иностранцами включилось в созидательную деятельность, а вскоре они сами обросли учениками, которые вели крупные самостоятельные проекты. Некоторые из этих учеников вышли в число первых зодчих России.⁴¹

Деяния одного из первых национальных зодчих в старой публикации о российских деятелях культуры представлены в общих чертах и с фактической стороны достоверно: «Еропкин. Полковник. В 1730 году поручено ему было строение города С.-Петербурга на Васильевском острове вместо г-на Тресини. Вероятно, что церковь Казанския Богоматери, ныне существующая, построена Еропкиным; ибо строение города поручено ему было по указу государыни императрицы Анны Иоановны, которая особенно к нему благоволила. Упомянутая церковь начата в 1732 году, построена из собственной ее императорского величества казны и окончена в 1737 году»⁴².

При всей краткости «известия» в «Северном вестнике», Петр Еропкин показан в нем как пришедший на смену Трезини, которому «было поручено» наблюдать за строительством «в городе ... и самый город»⁴³. В соответствие

⁴⁰ Об изменении состава архитекторов см.: Бунин А. В. Указ. соч. С. 371.

⁴¹ Ряды русской архитектурной школы благодаря заботе отечественных корифеев от архитектуры достаточно быстро пополнила талантливая молодежь. В середине 30-х годов в Адмиралтейств-коллегии И. Коробова служил петровский «пензионер» Михаил Башмаков, один из участников составления трактата «Должность архитектурной экспедиции». К Адмиралтейству в должности «гизеля» (ученика) был прикомандирован Григорий Селезнев. В команде И. Коробова выделялся участвовавший во многих постройках морского ведомства, талантливый ученик адмиралтейского архитектора Савва Чевакинский, ставший в середине XVIII века одним из выдающихся мастеров петербургской архитектуры.

Другая группа начинающих архитекторов нового поколения проходила стажировку у Михаила Земцова. Среди них были — архитектурский подмастерье Андрей Квасов, которому принадлежит первоначальный композиционный замысел дворцово-паркового ансамбля в Царском Селе, сын приказного Семен Волков, осуществивший в 60-х годах восстановление разрушенной молнией колокольни Петропавловского собора и калмык Григорий Дмитриев — будущий строитель Аничкова дворца. Г. Дмитриев считается также и учеником Петра Еропкина, к которому он был определен в помощники в 1733 году после пятилетней учебы у Земцова. В числе воспитанников Еропкина называют еще М. Евстратова да И. Филиппова, исполнявшего работы по проектированию жилой петербургской застройки.

⁴² Акимов А. И. Краткое известие о некоторых российских художниках // Северный вестник. СПб., 1804. Ч. 1. № 1–3.

⁴³ Там же.

с данной характеристикой Трезини особое внимание уделял регулярной застройке Васильевского острова, который по завету Петра должен был стать центром столицы. Когда-то, в 1724 г. Трезини экзаменовал Еропкина. Теперь автор статьи считает их равновеликими. Оба имеют высокое звание полковника от архитектуры. Мы не знаем в среде русских зодчих других архитекторов, обладавших таким званием. В Петербурге оба вновь встретились уже на равных, когда им было поручено готовить триумфальные украшения для торжеств по случаю переезда в новую столицу царского двора. Но вместе поработать европейцу и россиянину на благо града Петра не пришлось. В 1734 г. Доменико Трезини умер и фактическим его приемником по общему контролю за городским строительством стал Петр Еропкин. О Еропкине в указанной статье замечено, что в 1730 году ему поручено строение Петербурга на Васильевском острове вместо г-на Трезини. Только на невских островах архитектору пришлось заниматься задачами благоустройства. В отличие от предшественника русский зодчий будет закладывать центр не на Васильевском острове, а уже в соответствие с новыми столичными реалиями — на правобережье Невы, вблизи Адмиралтейства.

Характер деятельности Петра Еропкина «Северный вестник» прямо связывает со «строением города С.-Петербурга». Известие автора «Северного вестника» вполне точное. В середине 30-х годов архитектор осуществляет надзор за строительной деятельностью, чтобы упорядочит ее. Одновременно с этими обязанностями Еропкин много внимания уделял устройству коммунального хозяйства столичного города. Частые наводнения причиняли населению Петербурга серьезные бедствия. Еще в 1727 году питерский губернатором Б.-Х. Минихом составлялся проект предохранительных дамб. Однако техническая несовершенство проекта была очевидна. Петр Еропкин вынужден был заново вернуться к решению насущной проблемы низинного приморского города. С учетом подъема вод он вводил в практику петербургского строительства новые конструкции набережных, занимался устройством мостовых и другими вопросами обустройства улиц и площадей.

В «Северном вестнике» Еропкину приписывается еще строительство церкви Богоматери. Какими источниками на этот счет располагал автор статьи, не поясняется. О церковных постройках П. М. Еропкина сведений не сохранилось.

Самыми значительными были три последних года вдохновенного творчества Петра Еропкина, — с 1737 года по апрель 1740 года. С момента прикрепления к строительству Александро-Невского монастыря и до 1737 года Петр Еропкин не занимал какой-либо особой официальной должности в петербургском строительстве. Положение изменилось после того, как указом от 10 июля 1737 г. была учреждена Комиссия о Санкт-Петербургском строении. Петр Михайлович был введен в число ее членов.

Поводом для создания Комиссии стали пожары 1736-1737 гг., опустошившие стихийно застроенные городские пространства. Даже кабинет Анны Иоанновны в этих условиях осознал, что надо было решать, как столице жить и развиваться дальше. Попыткой как-то упорядочить застройку города и уберечь его от бедствий и стал наказ Комиссии «положить в больших, в средних и в меньших домах какому быть строению как по улицам, так и во дворах, и каким образом для лучшей предосторожности пожарного случая печи, трубы и все прочее строение с лучшей крепостью построено быть имеет, и учинить тому строению каждому особливый твердый план и чертеж дабы всяк впредь по тому надежно строить и поступать мог; по положению того строения рассмотреть план, который ныне велено учинить... и генерально иметь обо всем том рассуждения, что к лучшему, порядочному и безопасному строению служить может; в оной же Комиссии учинить обстоятельную и порядочную инструкцию полиции, по которой бы она впредь поступать имела...»⁴⁴.

Комиссии о Санкт-Петербургском строении, пришлось иметь дело с довольно расшатанным и запущенным городским хозяйством. Централизованное при императоре Петре управление строительством было разделено между несколькими ведомствами, что мешало успешному

---

⁴⁴ Цит. по: *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Указ соч. С. 171.

осуществлению задач столичного строительства. Восстановление заброшенных строений и новая застройка велись неорганизованно. Единого плана градостроительных мероприятий не существовало⁴⁵. До появления Комиссии не было координирующего их центра, как не было и главенствующей творческой идеи, способной подчинить единому замыслу проекты работавших по разным ведомствам архитекторов. С созданием Комиссии появился орган, получивший право сосредоточить все проектное дело у себя и контролировать все городские архитектурно-строительные работы.

В Комиссии велено было быть: действительному тайному советнику барону Бурхарду-Христофору Миниху, тайному советнику графу Михаилу Головкину, Александру Нарышкину, генерал-майору Петру Измайлову, кригс-комиссару Федору Соймонову, советнику от артиллерии Ивану Унковскому, «от фортификации» майору Руху и в качестве канцелярского служителя сенатскому секретарю Хегу. Среди трех последних просто назван архитектор Петр Еропкин. Руководство возлагалось на Б.-Х. Миниха (брата фельдмаршала), который управлял Петербургом в худшие годы его запустения. Но это было номинальное руководство. Вместе с прочими вельможными членами, Комиссия собиралась несколько раз на неделе⁴⁶. Вал работы, занимавшей не только дневное но и ночное время, нес

---

⁴⁵ Первый план застройки Петербурга, разработанный Д. Трезини и предполагавший застройку по типовым проектам, утратил силу. План Д. Трезини отводил левобережной стороне Петербурга роль загородной территории, а разработка центра на Васильевском острове страдала схематизмом. «Однообразный геометризм» планировки Васильевского острова Трезини воспринял от Леблона. Совершенно умозрительный план Леблона, предлагавшего задушить город закольцовыванием гигантской крепостной стеной (т. н. «замкнутая консервативная схема»), был отвергнут еще самим Петром (*Михайлов М. Б. Принципы формирования, методы и организация проектирования русских городов // Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII – первой половины XIX века. М., 1995. С. 94–98*).

⁴⁶ Такие деятели, как фон Миних и князь А. М. Черкасский не способствовали успеху дела, а только мешали проведению в жизнь смелых и перспективных идей. Миних преследовал в своей деятельности лишь карьеристские цели. Князь А. М. Черкасский принадлежал к числу посредственных и безликих вельмож. Его портрет, написанный И. П. Аргуновым, запечатлел облик ленивого человека с оплывшим лицом и равнодушно-самодовольным взглядом. Он мог гордиться лишь своим высоким саном, в делах же всегда отличался робостью и беспринципностью. Эти свойства характера и помогли ему благополучно пережить превратности дворцовых переворотов, не теряя высоких должностей и собственной выгоды.

на своих плечах Петр Еропкин. Поскольку он был единственным архитектором-профессионалом в координирующем возведение столицы органе. В его руках сосредоточилось все планировочное проектирование, наблюдение за строительными работами, выработка и продвижение в жизнь стратегических градостроительных задач. В силу этого он явочным порядком занял ведущее положение в Комиссии.

По указу о Комиссии за Петром Михайловичем не закреплялось руководящих функций. Но высокая культура, отличное знание дела и опыт реально обеспечивали ему авторитетное положение как среди практикующих архитекторов, так и у сановитых членов Комиссии. Далекое не самый важный член Комиссии оказался в роли главного столичного архитектора. Обстоятельства складывались так, что из архитектора строителя Еропкин фактически превратился в архитектора планировщика.

В своей работе Петр Еропкин опирался и на иностранных специалистов (геодезист Ф. Зигхейм, Рух) и на отечественные силы. Вокруг него объединились поднявшиеся в петровскую эпоху созидатели. Деятельное участие в работе Комиссии принимал Михаил Земцов и Иван Коробов. К середине 30-х годов они уже были признанными мастерами и играли важную роль в петербургском строительстве. И. Земцов, выдвинувшийся как ближайший помощник Д. Трезини, к концу 20-х годов сделался фактическим руководителем работ по сооружению дворцов и разбивке парков. Занимая после назначения в 1735 г. пост главного архитектора Полицмейстерской канцелярии, он реально занимался воплощением планов Комиссии (а по сути дела планов Еропкина) в жизнь. Петровский «пензионер» Иван Коробов стал главным архитектором Адмиралтейств-коллегии. Ему принадлежит одно из самых примечательных произведений русского зодчества XVIII века — башня Адмиралтейства. Он так же творчески реализовывал рекомендации и предписания, исходившие из Комиссии. От Адмиралтейской коллегии в Комиссию специально был введен Ф. И. Соймонов, занимавший авторитетное положение в ведомстве, ведавшем морскими делами. Еще с

начала 30-х годов Соймонов настаивал на проведении неотложных гидрографических и строительных работ в морской столице. Теперь эти работы по уточнению фарватеров и составлению общего генерального плана гаваней и береговых военных укреплений соприкоснулись с общими градостроительными проблемами. В лице Федора Соймонова Петр Еропкин встретил опытного специалиста и принципиального, деятельного человека, исполнявшего свой долг с чувством высокой ответственности и чести. Они оказались единомышленниками и в своих граждански-политических воззрениях. Обоих одинаково возмущало самовластие ставленников Бирона, неразбериха и разлад в хозяйственном и административном управлении, приносившем ущерб государственным интересам. Кроме того, их сближала петровская закваска и соседство именами под Москвой⁴⁷.

Еропкин не пропустил выпавшего на его долю звездного часа и как самый деятельный член Комиссии смог в рамках предоставленных возможностей реализовать свой недюжинный творческий потенциал. Градостроительное чутье и талант Петра Еропкина проявились в разработанном им генеральном плане застройки Петербурга, в котором учитывались практические потребности развивающейся столицы, природные условия и уже наметившиеся в существовавшей застройке планировочные особенности отдельных районов.

В основу проектирования была положена топографическая съемка реально существовавшей городской застройки, осуществлявшаяся инженер-майором Ф. Зигхеймом. По мере поступления от него материалов, осуществлявший «смотрение» за чертежной Еропкин, разрабатывал порайонные перспективные планы застройки конкретных участков города.

---

⁴⁷ Федор Иванович Соймонов был выведен из среды воспитанников Петра I. Начиная службу морским офицером. В истории русской науки он по праву считается первым отечественным ученым-гидрографом. Ф. И. Соймонов внес бесценный вклад в науку своими трудами по морской картографии. С его именем связано составление первой печатной карты Каспийского моря. В 1740 году как участник заговора Волынского был приговорен к смерти, замененной каторгой. По возвращении из сибирской ссылки прожил деятельность на благо Отечества. В 50-х в составе Нерчинской экспедиции занимался изучением водных коммуникаций и картографированием сибирских земель. С 1757 по 1763 год исполнял должность сибирского губернатора. Проявил себя как строгий и честный хозяин огромного края. Предсказал важное экономическое значение Сибири для грядущего умножения могущества российской державы.

Он подчинял их общей идее развития столицы. Подробно вычерчивал направления улиц и детали новой застройки. Сберегаемые в хранилищах еропкинские чертежи и копии с них впечатляют ясностью проектной разработки и тонким художественным исполнением.

Дошел до нас план части Адмиралтейского острова, подписанный самим Еропкиным⁴⁸. На нем четко начертаны три луча: Невская, Вознесенская и Средняя перспективы (будущая Гороховая улица). Сообразно особенностям ландшафта вписана система поперечных улиц, примыкающих к Мойке. План содержал главное зерно еропкинской градостроительной идеи для северной столицы. Центром города намечалось Адмиралтейство, которое мыслилось здесь архитектурной точкой центрального района. По плану Адмиралтейской части, исполненному Михаилом Ковриным и сохранившемуся плану Махеева 1753 г. видно, что замысел Еропкина, прорабатывавшийся на его плане Адмиралтейского острова, получил свое воплощение⁴⁹.

Вскоре после гибели Петра Еропкина вышла книга «Палаты Санкт-петербургской императорской Академии наук, Библиотеки, Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей, сочиненное для охотников, оныя вещи смотреть желающих». К изданию приложено изображение гравированного плана Петербурга, «сочиненного в 1737 году». Это план т. н. фиксационный план Зигхейма, показывавший реальное положение дел к началу работ Комиссии⁵⁰. На нем отчетливо видна Невская перспектива, окаймленная аллеями почти на всей протяженности от Адмиралтейства до Александро-Невского монастыря. Ясно читается будущая Вознесенская перспектива, а также намечается направление среднего магистрального радиуса застройки,

⁴⁸ ЦГИА СПб. Фонд. № 1399. Оп. 1. Дело. 673. Л. 1.

⁴⁹ Шилков В. Проекты планировки Петербурга 1737–1740 годов // Архитектурное наследство. М., 1953. № 4. С. 8–11. Рис. 2, 5.

⁵⁰ Существовавшая планировка на погорелых местах Адмиралтейской части от луга до Мойки нанесена пунктиром. И это понятно, план застройки данного участка разрабатывался Еропкиным заново. Решено было возводить здесь исключительно каменные постройки.

сфокусированного на центр⁵¹. Этот план предвосхитил целенаправленно развивавшиеся в последующем концептуальные идеи градостроительной столичной планировки. Осуществляя ее, Петр Еропкин учитывал уже сложившуюся сетку улиц, гениально на перспективу увидел он тенденции развития города. Не путем ломки, а тактично вносимыми коррективами в существующую застройку собирал он воедино уже существовавшие части городского организма. В «эскиз» петровских начинаний еропкинский план внес отвечающие духу времени изменения.

Впервые в истории столичного града на Неве был разработан генеральный план, охватывающий административный центр и периферию. Этот план подчинил стихийно развивавшийся городской организм единой архитектурно-планировочной идеологии⁵². И создателем этого плана и этой идеологии был Петр Михайлович Еропкин. В новом плане заключался глубочайший идейный смысл, отвечавший замыслам основателя северной столицы. Три лучевые магистрали, уходившие от Адмиралтейства в глубь материка, символизировали связь Петербурга с пространством страны. Город строился как столица огромной державы, раскинувшейся далеко на юг от Невы — до Азовского моря и персидских земель и еще дальше на восток — до Тихого океана. На еропкинском плане дороги в российскую даль начинались у Адмиралтейства.

Знаток Петербурга Н. П. Анциферов поэтически сравнивал сердцевинную точку города с «полярной звездой», из которой исходят длинные «лучи», открывающие прекрасные перспективы⁵³. Еропкинское трехлучие и ныне не перестает восхищать нас, когда по одному из «лучей» выходим к заветной площади, увенчанной золотым шпилем с корабликом, парящим в воздушном океане на всех парусах... Башня с позолоченным корабликом придала Адмиралтейству значение центрального здания городской застройки на правом берегу Невы. Кораблик поднялся в

⁵¹ Это направление как бы нащупывалось несколькими соседними радиальными улицами, ориентированными на Адмиралтейство.

⁵² Михайлов М. Б. Указ. соч. С. 100.

⁵³ Анциферов Н. П. Быль и миф Петербурга. П.: Издательство Брокгауз-Ефрон, 1924. С. 23.

петербургское небо как символическая эмблема заложенной Петром I морской столицы. Сооружение Ивана Коробова органично объединяет вокруг себя городской пейзаж. Получается, что с его участием Петр Еропкин осуществил неведомое градостроительной практике и сделал Петербург уникальным городом, в своей структуре построения увековечившим мечту Петра и сохраняющим память Петра Еропкина⁵⁴.

Конечно, идея генерального плана не сводилась только к трехлучию. Петербург был сложнейшим и пространственно неоднородным организмом. Поэтому первым делом Комиссии о Санкт-Петербургском строении стало разделение его на районы. Кроме Адмиралтейской части и Васильевского острова выделены в проекте столичного развития Петербургская и Выборгская стороны, Охта и район за Фонтанкой к западу от Невского проспекта. Для каждого района была разработана своя планировка застройки. Сохранились подписанные Еропкиным планы перечисленных городских территорий⁵⁵. Судя по ним, основным планировочным ядрам столицы придавалась стройность композиции, выделялся архитектурный центр и при этом учитывался исторический характер района. Так, проект Коломны («место назначенное для строения адмиралтейским служителям») предусматривал устройство огородов, зеленых массивов, площадей, что существенно оживляло регулярную сетку улиц⁵⁶. На Выборгской стороне от здания Морского госпиталя (точнее от обозначенного госпитальной церковью центра) на личном плане Еропкина намечались лучами расходящиеся улицы⁵⁷. Архитектор вновь примерялся к близкой его душе радиальной системе планировки (в научной литературе это названо «методом повторности композиционных приемов»)⁵⁸. В Московской части города за Фонтанкой он запроектировал будущий Екатерининский канал,

⁵⁴ Об этом хорошо сказал Е. Анисимов, образный смысл статьи которого, промелькнувшей в ленинградской газетной периодике, мы вынесли в заглавие.

⁵⁵ Шилков В. Указ. соч. С. 9–12. Рис. 3, 7, 8.

⁵⁶ История русского искусства. Т. V. С. 139 (там же план Коломны в копии 1741 г.).

⁵⁷ Музей истории Санкт-Петербурга. Архив Мейера. Атлас II. Ч. II. Отд. II. Л. 1.

⁵⁸ Михайлов М. Б. Принципы формирования, методы и организация проектирования русских городов // Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII – пер. пол. XIX веков. М., 1995. С. 100.

Садовую улицу с Сенной площадью⁵⁹. Разбивку участков здесь осуществили согласно замыслу Еропкина и его планировка и по сей день служит нуждам современного города. Проект застройки Охты был приспособлен к запросам Морской слободы и сохранял в неприкосновенности историческое ядро с крепостью Ниеншанц. На Васильевском острове зафиксирован сложившийся принцип строго регулярной планировки с двумя проспектами и пересекающими их линиями улиц. Стрелке Васильевского острова Петр Еропкин придал стройное архитектурное оформление, наметив полуциркульную площадь перед зданием Двенадцати коллегий, где по его замыслу должен был быть установлен памятник Петру I.

Для осуществления столичной застройки Канцелярия от строений строго регламентировала внешний вид зданий. Предлагались образцовые проекты домов для представителей разных сословий. На смену типовым проектам, которые готовил Д. Трезини, в Комиссии были разработаны отличавшиеся привлекательными архитектурными формами образцы строений для людей разного звания. Еропкин отошел от существовавшей до того линейной уличной застройки и внедрял в практику принцип усадебной компоновки пространства. Дома по-прежнему оставались типовыми, но в пределах кварталов они размещались в чередующемся ритме: то ставились с разрывом, то сдвоено, то поодиночке. Такой прием вносил разнообразие в городскую застройку. Пространство между домами заполнялись огородами зелеными массивами, что оживляло городской пейзаж и способствовало пожарной безопасности. Продумывались и небольшие внутриквартальные композиции с площадями, а площади разбивались с учетом удобного выбора хороших видовых точек. Сохранился разработанный Петром Еропкиным индивидуальный проект усадьбы купца Истомина, где присутствуют перечисленные признаки⁶⁰. Проектирование конкретных жилых участков под руководством Еропкина осуществляли его ученики — Г. Дмитриев, И. Филипов, И. Сляднев.

Тщательно разрабатывались Комиссией и мероприятия по городскому

---

⁵⁹ БАН. Рукописный отдел. Дело № 776.

⁶⁰ Шилков В. Указ. соч. С. 13. Рис. 9.

благоустройству. Для Петербурга, который вырастал на островах, в заболоченных местах намечалось сооружение дренажных устройств, укрепление берегов, строительство мостов и покрытие улиц. Продумывалась инженерная сторона дела, в которой Петр Еропкин был столь же компетентен, как и в архитектурных делах, несколько лет до этого занимаясь благоустройством территории по ведомству архитектурной «полиции».

Озеленению в проектах Комиссии уделялось исключительное внимание. Из чертежной Комиссии не вышло ни одного проекта, в котором бы не предусматривалась разбивка в жилых районах аллей, огородов, садов и парков. Так, на Васильевском острове, где пришлось сохранить начатую Д. Трезини регулярную застройку, основу архитектурных ансамблей должна была составить центральная на всю ее протяженность аллея. Все три магистрали Выборгской стороны смыкались у сада перед зданием госпиталя. Александро-Невский монастырь выделялся в обособленный архитектурный комплекс с окружающим его парком. Предусматривалось создание зеленых массивов внутри жилых кварталов. Задумывалось озеленение площадей. В прямом назначении зелень призвана была оздоравливать городскую среду. Она же входила и конструктивной частью в создаваемые ансамбли.

В результате целенаправленных планировочных мероприятий Еропкина в левобережной части Петербурга прочно закрепились радиально-кольцевая система планировки. Три радиальных луча выводили город на широкий материковый простор, открывали возможность для роста и развития города. В данном случае новаторство Еропкина-проектировщика сочеталось с использованием многовекового опыта русского градостроительства. Радиально-кольцевая планировка имеет на Руси давнюю традицию. Именно так от века к веку нарастали вокруг кремлей старинные их посады, в которых веером расходились от центра радиальные магистрали. Петр Еропкин творчески претворил в своем плане эту традицию, обогатив ее регулярной внутрирайонной застройкой. Творчески развив многовековую идею, он рационально спланировал город нового типа, в котором регулярность соединялась с живописностью природной среды и удобством межрайонной

коммуникации⁶¹. В новаторской и одновременно традиционной схеме гражданский тип поселения пришел на смену города-крепости.

Характерное для 30-х годов стремление к парадности оказало, конечно, влияние на работу Комиссии. Однако в исследовательской литературе отмечается спокойный ритм застройки кварталов и площадей, что предвосхищало особенности планировки, получившей распространение во второй половине XVIII века, в период русского классицизма. Художественное чутье Петра Еропкина улавливало новейшие веяния и мысль архитектора обгоняла время. Поэтому возникшая еще в эпоху господства барокко пространственная схема Петербурга совершенно оправданно получила определение «смягченной регулярности»⁶².

Три года блестящей деятельности Петра Еропкина в Комиссии о санкт-петербургском строении — великолепное подтверждение тому, что в его лице Россия выдвинула гениального градостроителя и великого сына века, нашедшего верный путь к решению сложнейших задач, в перспективе своей нацеленных на столетия вперед.

Петр Михайлович Еропкин сделал за свою недолгую жизнь одновременно и много и мало. Конечно, гораздо менее того, что бы он мог сделать, поскольку самые знаменательные годы его архитектурной деятельности пришлось на мрачную пору бироновской реакции, а жизнь его прервалась в самом расцвете сил. Человек от природы талантливый, прекрасно образованный, наделенный широким и разносторонним интересом к культурной и общественной жизни страны, Петр Еропкин не мог остаться в стороне от политических событий, которые разыгрались в конце правления Анны Иоанновны.

Благодаря родственным связям с Артемием Петровичем Волынским (Волынский вторым браком женат на сестре Еропкина), Еропкин оказался среди его политических сторонников в борьбе группировок при дворе Анны Иоанновны. Волынский сделал головокружительную карьеру и к 1738 году достиг высшей придворной должности кабинет-министра. При таком

---

⁶¹ Михайлов М. Б. Указ. соч. С. 91, 94; Шилков В. Указ. соч. С. 169.

⁶² Карпов Г. М. Указ. соч. С. 138.

положении его соперниками становились Бирон и Остерман, за счет оттеснения которых можно было распространить влияние на императрицу. Для привлечения сторонников ставка была сделана на антинемецкие настроения. К кабинет-министру потянулись недовольные состоянием дел в стране патриоты — люди смелые, деятельные, решительные и убежденные. Еропкин и воспитанные на петровских традициях государственники воцарение на престоле Анны Иоанновны рассматривали как установление хищнического режима иноземцев. Как архитектор, Петр Михайлович постоянно сталкивался с тем, что установившийся режим нимало не способствовал развитию архитектурно-строительной деятельности. Успешная карьера вельможного сановника и родственника вселяла надежды на перемены. Людям, болевшим душой за Родину, необходима была сильная личность, на которую можно бы было опереться в поисках выхода из тупика бироновского правления. Так думали многие. А по образу мыслей многие участники «заговора» были близки между собой задолго до того, как стали «конфидентами» А. П. Волынского. Они и составили патриотическую дворянскую оппозицию режиму, знаменем которой стал кабинет-министр.

В кружке Волынского был разработан «Генеральный проект о поправлении внутренних государственных дел», который содержал рассуждения «об укреплении границ и об армии, о церковном чине, о шляхетстве, о правосудии, об экономии». Он предполагал расширение прав дворянства и содержал требование назначать на государственные должности русских людей. Исследователи полагают, что одним из ведущих разработчиков проекта был П. М. Еропкин, который знал языки и переводил Макиавелли и тексты немецкого правоведа И. Бесселя. Идеи последнего использовались при сочинении программного документа «О поправлении русских государственных дел». И нет ничего удивительного, что часть названного документа принадлежит перу зодчего, который работал над ним вместе с А. Ф. Хрущевым. Сам Волынский литературными способностями не обладал. Но он умело использовал составленные ее талантливыми сторонниками тексты в своих политических комбинациях, чтобы через императрицу добиться соответствующих преобразований и оттеснить

немцев от трона.

Судя по всему, Волынскому нравилась роль лидера и растущая популярность в дворянских кругах. Он увлекся и потерял бдительность. Немецкая партия переиграла патриотов. В апреле 1740 года были произведены аресты, последовали обвинения в заговоре, пытки. «Конфидентов» обвиняли в государственной измене, хотя «Генеральный проект» на монархическое правление не покушался и никакого заговора не было. Скорый и неправый суд поставил последнюю точку в деятельности группы А. П. Волынского. Зачинщикам был вынесен смертный приговор. В трагический день 27 июня 1740 года на Сытном рынке Петербургского острова три главных «заговорщика» — А. П. Волынский, П. М. Еропкин и А. Ф. Хрущев — были подвергнуты казни. Для экзекуции цинично был выбран день, в который при Петре праздновалась годовщина Полтавской победы. Курляндский герцог Эрнст-Иоганн Бирон с холодной жестокостью расправился со своими политическими противниками. На плахе закончил свой жизненный путь великий зодчий, первый главный архитектор Петербурга. Останки жертв бироновского режима были захоронены у церкви Самсония. На их могиле в 1885 г. из средств пожертвований был поставлен памятник, созданный архитектором М. А. Шуруповым со скульптурными барельефами А. М. Опекушина.

В историографии порою отделяют высокие патриотические устремления «конфидентов» от политиканства и беспринципности Волынского⁶³. Если посмотреть на поведение сановника, видно, что многими его действиями двигали не столько идеальные побуждения, сколько чистлюбивый политический расчет. Примеров беспринципности в действиях этой фигуры предостаточно. Получив в 1736 г. должность обер-егермейстера, например, Волынский всячески стремился удовлетворить страсти императрицы к охотничьим утехам. Чтобы подняться по ступеням власти он льстил и угождал Бирону. В стремлении завоевать расположение любителя коней, он озаботился разработкой инструкция об устройстве «конюшенных школ»,

⁶³ См., например: Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1981. С. 258–263.

предназначенных для подготовки ветеринаров, подьячих. Но заодно с ними в этих школах планировалась также подготовка геодезистов и архитекторов, могущих производить конюшенные постройки⁶⁴. Так замысловато решался вопрос о подготовке национальных кадров профессионалов. И здесь едва ли не просматривается подсказка Еропкина, который понимал необходимость создания русской архитектурной школы.

Нравы кабинет-министра немногим отличался от нравов вельмож-современников. И властолюбивые устремления, и грубость характера, и равнодушие к наживе, — все это было свойственно ему. Однако его замыслы не сводились только к выгодам высоких властных возможностей. Программа А. П. Волынского предусматривала «поправление государственных дел» с учетом дальнейшего развития промышленности и укрепления экономического положения страны. Сопирник Бирона вынашивал мысль об учреждении в России университета. Именно это обеспечило ему поддержку просвещенных и равнодушных к славе и могуществу страны людей. Поэтому Волынскому содействовали приверженные к петровским начинаниям Петр Еропкин, Федор Соймонов и другие русские патриоты-интеллектуалы. Кроме того кабинет-министр обладал могучи природным умом. Ведь просто с невежественным и недалеким человеком, с карьеристом, каких много было при дворе, вряд ли могли долгое время уживаться высокообразованные «конфиденты». Объективно программа кружка Волынского была прогрессивной и вряд ли нравственны изъяны лидера «конфидентов» могут быть основание для девальвации ее патриотической направленности. Амбициозные и карьеристские устремления царедворца объективно работали на благо Отечества.

С деятельностью Волынского при дворе связана и последняя работа Еропкина. Она красочно описана в романе И. И. Лажечникова, где «конфиденты» А. П. Волынского выведены под анаграмматическими фамилиями. Так, Еропкин вошел в роман под именем гоф-

---

⁶⁴ Волков С. И. Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. М.: Изд. АН СССР, 1959. С. 161–162.

интенданта Перокина. Советник берг-коллегии Хрущев был назван Щурховым, старый сенатор граф Мусин-Пушкин — Суминым-Купшиным. Читателям романа не составляло затруднений расшифровать анаграммы.

Образ гоф-интенданта Перокина (Еропкина) очерчен исторически достоверно — это человек независимых убеждений и сторонник петровских начинаний⁶⁵. Основное развитие сюжета в романе связано с изображением приготовления к затее императорского двора — «этнографическому шествию и курьезной свадьбе придворного шута Голицына». Для высочайшей забавы было придумано сооружение специального ледяного дома на набережной Невы. Глава «маскарадной комиссии» кабинет-министр А. П. Волынский поручил архитектору П. М. Еропкину строительство из льда для увеселения Анны Иоанновны.

В романе повествуется о реальных событиях зимы 1740 года. Задуманная по капризу императрицы потеха представляла собой варварское зрелище, оскорблявшее достоинство пригнанных из окраинных губерний для «маскарада» татар, калмыков, молдаван и представителей других народностей. Можно только догадываться какие чувства испытывал архитектор, исполняя прихоть высочайшей особы, возводя потешную ледяную однодневку. И тем не менее потешный дворец был возведен по всем правилам архитектурного искусства. Постройка поражала своей гармоничной красотой, изысканностью форм и деталей. Член петербургской Академии наук и профессор физики Георг Крафт составил «подлинное и обстоятельное» описание ледяного дома, отпечатанное отдельным изданием в Петербурге в 1741 году. Судя по свидетельству Крафта, кроме дома с ледяной мебелью и потешных скульптурных фигур из того же материала были поставлены фонтанирующие горячей нефтью дельфины и слон. Все

---

⁶⁵ Вот авторская характеристика Перокина и Сумина-Купшина (Мусина-Пушкина): «Они верили, что тот дворянин почтеннейший, кто забывает себя для пользы общественной, кто не боится говорить правду перед сильными земли за утесненных и беззащитных и готов за эту правду положить свою голову. Уверенность эту доказывали не словами, а делом. И слово их было все равно, что дело. Кривых, темных путей не избирали они для своих действий... Зато в свете приобрели имя людей беспокойных... Ни один из них не был лично обижен Бироном, но оба мстили ему за кровное оскорбление отечества» (*Лажечников И. И.*. Ледяной дом. Роман. М.: Художественная литература, 1970. С. 252).

было совершено с незаурядным мастерством и с большим художественным вкусом. Применены сложные инженерно-технические решения. Даже в ледяном исполнении не насытившийся творчеством архитектор вкладывал в эту работу идеи неосуществленных своих замыслов. Конечно, это была злостная насмешка бироновской клики не только над участниками маскарадной церемонии, но и еще и над гением, который вынужден был впустую растрачивать свой талант. Для высокого мастера своего дела то было унижением, как унижением было и общее состояние дел в государстве. Попытка поднять голос против такого унижения России привела Петра Еропкина на плаху.

П. М. Еропкин был не только талантливым практиком архитектурного созидания, но еще подводил под него серьезную идейную базу. Поэтому нельзя не сказать о Петре Михайловиче как о теоретике архитектуры. Вместе с созданием Комиссии Санкт-Петербургского строения в 1737 году, власти возложили на ее членов обязанность разработать инструкцию для тех, кто осуществляет архитектурно-строительную деятельность. Мартовским указом 1738 г. Анна Иоанновна уточнила задачи исполнителей и повелела Ф. И. Соймонову разработать рекомендации «О должности главной полиции», а на Еропкина были возложены обязанности сочинить правила для архитектурной экспедиции. На выходе получился текст, известный под названием «Должность архитектурной экспедиции»⁶⁶. Но имени Еропкина под ним не значится. Дело в том, что архитектор не успел закончить труд до начала процесса над кружком Волынского. Об этом глухо сообщают строки документа того времени: «а не окончив той должности... отбыл...»⁶⁷. Авторство Еропкина не подлежит сомнению. Оно удостоверяется записью от 2 марта 1740 г.: «единоличие авторских работ Еропкина по состоянию нашего документа...»⁶⁸. Тот текст, что дошел до нас, является уже доработкой и плодом коллективного творчества. 24 июня

⁶⁶ Публикацию см.: Должность Архитектурной экспедиции // Архитектурный архив. Т. 1. М., 1946. С. 21–99.

⁶⁷ Цит. по: Аркина Д. Русский архитектурный трактат-кодекс XVIII века. Вводная статья-комментарий // Архитектурный архив. Т. 1. М., 1946. С. 10.

⁶⁸ Там же.

1740 года специальным указом документ было велено завершить «общё» соратникам главного архитектора (Коробову, Земцову и Шумахеру). Главы его переписывались и дополнялись и что в них принадлежало Еропкину, сейчас можно только предполагать, учитывая подшитые к рукописи еропкинские наброски и исходя из общих соображений.

Рукописное наследие Петра Еропкина после его гибели постигла печальная судьба. После ареста пропал первый, собственно авторский вариант трактата. Черновик перевода Палладио, к счастью, сохранился, переплетенный с бумагами «Должности Архитектурной экспедиции». Но только черновик! Не дошел до нас в полном составе и проект «О поправлении русских государственных дел». А. П. Волынский успел уничтожить рукопись.

Не смотря на то, что имя репрессированного автора власти предали забвению, причастность Петра Еропкина к текстам «Должности» чувствуется во многих разделах. Трактат буквально пропитан идеями петербургского градостроителя. Оно и понятно, в Комиссии не было равного ему человека по философской образованности, не было никого другого, обладающего столь обширной осведомленностью в достижениях разных отраслей наук и художеств. Вклад Петра Михайловича в трактат столь значителен, что если бы вынули из него заложенный Еропкиным фундамент, трактат попросту бы рассыпался.

Главная идея трактата родилась из стремления зодчего преодолеть несовершенство и неразбериху при организации строительства в ту неблагоприятную для созидания эпоху. Под пером главного зодчего Комиссии о санкт-петербургском строении затребованный властями как инструкция документ превратился в фундаментальный архитектурно-строительный кодекс. В 30 главах «Должности» подробно расписаны функции и обязанности архитектора, регламентированы принципы планировки города, включая отвод мест, составление планов и наблюдение за строительством. В качестве базового формулировался принцип государственного упорядочения всего архитектурного дела. Проводилась мысль о высокой ответственности градостроителя за качество и красоту своих творений. Критерий качества

работы архитектора по Еропкину определяется по формуле: пропорции, крепость, красота. Эстетическому совершенству, по мысли Петра Еропкина, должен способствовать союз архитектуры, скульптуры и живописи. Для того, чтобы обеспечить Россию кадрами, которые способны реализовать поставленные задачи, намечался план создания Архитектурной академии. Скрупулезное внимание уделено технике, строительным материалам и приемам, применяющимся в архитектурном деле. Многие строительно-технические правила поясняются иллюстративно. Чисто ремесленная сторона дела конечно важна, но вся ее детализация вдохновлялась высокими задачами предназначения зодчества и зодчих.

В истории отечественной архитектуры то был первый русский теоретический трактат, в котором утверждалось государственное значение градостроительного искусства, излагалась программа централизованной организации архитектурно-строительного дела. «Должность Архитектурной экспедиции» положила начало русской архитектурной теории. В своих положениях Еропкин опирался на существовавшую до него традицию. Трактат включал изложение положений «славнейших» европейских теоретиков Витрувия и Андреа Палладио. Видимо Петр Михайлович хотел познакомить русских архитекторов с подлинными текстами классиков и взялся за перевод на русский язык знаменитого трактата «Четыре книги об архитектуре» Палладио.

Представление о кругозоре Петра Еропкина могла бы составить его библиотека. Но и о ней мы не имеем точных и полных сведений. По описи, сделанной при аресте, числится 319 книг. Исследователи полагают, что то была «рабочая библиотека» зодчего. 30 книг по архитектуре, среди них как редкость, книги по архитектуре военной. В библиотеке имелась техническая и математическая литература, книги по точным наукам, сочинения об античном мире и Италии. Многие издания на итальянском, французском и немецком языках, которыми владелец библиотеки владел в совершенстве. Интерес к истории и архитектуре древнего Рима и милой сердцу Италии — понятен. На итальянской земле, у подножия прославленных творений античных зодчих и художников, брал начало корень «художества»

Еропкина, его первоначальное архитектурное образование, которое не прекращалось потом всю жизнь. Где-то рядом с «Введением в древнюю республику Римскую», «Уставами бедных болонских монахов», стояло на полке и «Новое описание италийских путешествий», и «Дант с новым и полезным толкованием». В библиотеке имелись древнерусские летописи, которыми пользовался как драгоценными историческими источниками В. Н. Татищев. Из свидетельств первого русского историка мы об этом знаем точно, но летописи в опись не попали. Зато в перечне, составленном небрежно и безграмотно, упоминаются «комментарии о Москве две книги».

Поражает широта культурных и научных интересов этого человека, интересовавшегося разными областями человеческого знания и углублявшегося в историю человеческой культуры от античных времен до XVIII столетия. Специалисту и гражданину гуманитарная литература, как можем видеть, была не менее важна, чем узко профессиональные работы.

К большому сожалению, не найдены личные бумаги Петра Еропкина, отчего так скудны наши представления о биографии этого замечательного человека. Но то, что мы знаем о Петре Михайловиче, позволяет говорить о нем, как натуре высоко одухотворенной, углубленно осознающей свое место и предназначение в обществе, на родной земле. Удивительная личность! Такие люди являются раз в столетие. Бироновские сатрапы знали, кого возводили на плаху.

В пантеоне славных разумом патриотов России Петр Еропкин занимает одно из самых достойных мест. Он создал город по величественной красоте и стройности архитектурных ансамблей славный своей неповторимостью во всем мире. Совершил подвиг гражданина столь же великий и дерзновенный, сколь прекрасен и смел был его созидательный на века зодческий замысел.

Работа Петра Еропкина в Комиссии о Санкт-Петербургском строении вечной славой увенчала художнический гений одного из самых замечательных «птенцов гнезда Петрова». Еропкинский план Петербурга — творение века, одно из высших достижений XVIII столетия в градостроительстве. Он выдержал испытание временем, сохранив в своей основе планировку, заданную его творцом.

Пока не написана детальная повесть о жизни и подвиге архитектора Петра Еропкина. Нет посвященных творчеству Еропкина монографий. Еще не поставлено ему памятника на родной земле Подмосковья. Нет памятника Еропкину и в городе на Неве, который обязан ему своей красотой и органической согласованностью планировки с природным окружением. Только сам град Великого Петра остается бессмертным памятником творцу его, свершившему за три года неслыханную в мировой практике градостроительную работу. В этом, наверное, и есть самым убедительный знак в судьбе знаменитого зодчего.